Дорогами Победы

Геннадий Семенихин

SHOUT
SHARE
IT

- Семенихин Геннадий

Семенихин Геннадий
Дорогами Победы

Геннадий Александрович Семенихин
Дорогами Победы
Рассказ

Однажды заехал я к своему фронтовому другу, известному фоторепортеру Михаилу Рунову, чтобы забрать интервоевавший меня снимок. Полагал, что пробуду минут тридцать - сорок: выпьем по стакану чая, вспомним своих фронтовых друзей, вместе с которыми шагали по далеко не безопасным дорогам войны, участвовали в боевых операциях, видели бои как в горькие дни отступления так и в дни штурма главных вражеских цитаделей...

Но не вышло. К моему приходу хозяин приготовил огромную кипу снимков и фотомонтажей, охватывающих своими сюжетами всю войну от первого и до последнего её дня. Через тридцать и даже через тридцать с лишним лет эти фотоснимки, сделанные порой из окопа или из кабины боевого самолета, нельзя было рассматривать без волнения:

- Тут почти вся моя биография, - пошугил гупов, но я отрицательно покачал головой:

- Нет, бери выше. Это в какой-то мере бпография войны.

Год 1941-й и год 1945-й! День воины первый и день войны последний, названный на века Днем Победы, как можно измерить дистанцию между ними?! Вспомним, какими были длинными дни и ночи на всем протяжении этих лет, фронтовые дороги, по которым прошли наши войска победной поступью от великого города на Волге - Сталинграда до стен фашистской столицы Берлина, где они утвердили Победу, водрузив Красное знамя над куполом мрачного пепельно-серого рейхстага. Очевидно, но однажды наши ученые будут создавать исгорические фолианты о Великой Отечественной войне. Времени свойственно старить человеческою память. С годами и тем более с десятилетиями многие факты и эпизоды тускнеют, а то и вовсе размываются в ней. По есть события, которые никогда не забываются и становятся лишь ярче, озаренные светом истории, давшим возможность рассмотреть их новые грани.

Я часто думаю о том, какая сила помогла нашему советскому воину выстоять в первые месяцы войны против технически оснащенной, вооружепной до зубов фашистской военной машины, беспощадной и безжалостной ко всему живому. И не

только выстоять, но и надломить эту машину, повернуть её вспять, отбросить от стен Москвы.

Если эту силу разделить на отдельные компоненты, как на слагаемые, то, как мне кажется, самым главным из них была бы огромная убежденность нашего воина в правоте своего дела, за которое шел он в бой. Она была одинаково сильной и у солдата, и у офицера, и у генерала.

На всем протяжении войны эта убежденность держалась не только на силе нашего оружия, все более и более возраставшей с каждым месяцем благодаря мужеству тружеников фронтового тыла, не только на овладении формами и методами ведения современной войны, но прежде всего на любви и верности своему первому в мире социалистическому Отечеству. Если бы не было такой убежденности, едва ли наши воины совершили бы подвиги, обессмертившие их на века, от которых у врагов кровь холодела в жилах. Только убежденность в святой правоте дола, за которое шли они в бой, рождала огромную стойкость, отвагу, постоянную готовность к самопожертвованию.

Навряд ли в сорок первом году, когда вражеские полчища рвались к нашей столице, кому-либо и что-либо говорила фамилия Кожедуб.

В далеком тылу, в Средней Азии, дни напролет готовил курсантов к боевым действиям молодой инструктор, сержант по званию, которого редко кто называл Иваном Никитовичем. Взлет и посадка, полет но кругу, пилотаж в зоне... Рапорт за рапортом подавал сержант Кожедуб командиру с просьбой об отправке на фронт до тех пор, пока не услыхал от него резкое:

- Больше рапортов не пишите, вам доверзно курсантов готовить! Этим и занимайтесь!

Лишь в апреле сорок третьего года попал Кожедуб на фронт. Я смотрю на замечательный снимок Михаила Рунова. Стоит невысокого роста молодой, крепко сложенный летчик с добрым приветливым лицом на фоне боевого самолета. На фюзеляже истребителя надпись: "От колхозника Конева Василия Викторовича". Уже в конце 1943 года слава о победах этого летчика обошла все наши фронты. Во многих истребительных авиаполках изучали его тактику ведения воздушного боя и технику пилотирования. Как-то в одном из полков, соседствующих с тем, в котором сражался Иван Кожедуб, во фронтовой землянке мне довелось услышать такой диалог:

- Скажите, - разводя руками, говорил один летчик, - такой молодой, а как щелкает. По два за вылет.

- И самого ни разу не сбивали и не зажигали в воздухе, - вторил ему другой. - Везучий!

Но вскоре произошел случай, который развеял недоумение соседей и убедил их в том, что Кожедуб вовсе не везучий летчик, а настоящий, подлинный ас, обладающий недюжинным талантом воздушного бойца. Летчик Отлеспый из полка, о котором идет речь, в горячие дни наступления был подбит в неравном воздушном бою и выпрыгнул из загоревшегося самолета. Он приземлился в нескольких метрах от первой линии наших траншей, и пока к ним дополз, испытал все неприятности минометного обстрела. Опустившись на дно сырого окопа, Отлеспый услыхал голоса пехотинцев.

- Э, да смотрите! В небе опять драчка разгорается.

Подняв голову, Отлесный увидел четверку "мессергамиттов", тех самых, что преследовали его подбитый самолет, и в самом их центре - одинокий "Лавочкин" с опознавательными знаками соседнего истребительного полка. "Трудно тебе будет вывернуться", - подумал Отлесный. Он увидел, как один "мессершмитт" зашел "Лавочкину" в хвост, как все больше и больше сокращалась дистанция. И вдруг произошло что-то необыкновенное.

Резким внезапным маневром "Лавочкин" метнулся вверх и через несколько секунд сам очутился в хвосте у немца. В ясном голубом небе сверкнула трасса, и "мессершмитт" пылающими кусками стал падать на землю.

А несколько мгновений спустя, запутав оставшихся гитлеровцев блестящим каскадом самых неожиданных фигур, неизвестный летчик сбил вторую фашистскую машину.

Два дня спустя Отлесный добрался на свой аэродром я тотчас же пошел на КП соседнего полка. В землянке находился один лишь оперативный дежурный. Остановившись у его столика, Отлесный спросил:

- В субботу в тринадцать сорок или тринадцать пятьдесят кто из ваших дрался с четверкой "мессеров"?

- Иван Кожедуб, - последовал ответ.

- И что он доложил?

- Об одном сбитом и одном подбитом.

- Неточно. На моих глазах Кожедуб сразил двух.

Вскоре пехота прислала подтверждение.

Слава Кожедуба росла. Я познакомился с Иваном Никитовичем весной победного сорок пятого года, когда он уже летал в составе нашей 16-й воздушной армии. Кожедуб давно был дважды Героем, но на сто фронтовой гимнастерке я увидел лишь два ордена и одну Золотую Звезду:

- А где же вторая?

Майор Кожедуб добродушно махнул рукой:

- Некогда получать. Каждый день по четыре и по пять боевых вылетов. И прибавил: - Надо поскорее проклятого Гитлерюгу в его собственной берлоге добивать.

В марте сорок пятого, когда линия фронта проходила уже по Одеру, в небе появились первые фашистские реактивные истребители. Фашистское командование рассчитывало, что они наведут панику на наших летчиков, по этого не произошло. Наши пилоты повысили осмотрительность, научились уходить от атак. Лишь некоторым молодым летчикам преувеличенные рассказы о боевых качествах новых фашистских истребителей внушали опасения. И вдруг как гром среди ясного неба по всем аэродромам разнеслась весть о том, что на поршневом истребителе конструкции Лавочкина летчик Иван Никитович Кожедуб сбил вражеский реактивный истребитель. Через несколько дней после этого командующий 16-й воздушной армией генерал-полковник авиации Руденко собрал специальную летно-тактическую конференцию с повесткой дня: "Как бороться с фашистской реактивной авиацией".

Нжкогда не забуду, как, стоя у доски с мелом в руке, Иван Никитович Кожедуб спокойно чертил схему этого воздушного боя и баском пояснял каждый свой маневр в воздушном бою, закончившемся гибелью немецкого летчика и реактивного истребителя. Очевидно, так же падал на разрушенные кварталы поверженного в прах и пепел фашистского Берлина шестьдесят второй по счету вражеский самолет, сбитый выдающимся асом нашего времени, ныне трижды Героем Советского Союза генералполковником авиации Иваном Никитовичем Кожедубом.

Стремительным и яростным был последний штурм фашистской столицы, в котором с подлинным боевым вдохновением сражались и пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты, и летчики. И вот уже горит мрачное здание рейхстага, а над пни, победно ревя моторами, проносятся группа за группой наши могучие бронированные ИЛы, ещё с сорок лерзого года прозванные гитлеровцами "черной смертью".

А в это время огромный почти в два метра ростом, командир этой дивизии у стен поверженной цитадели фашизма рассказывает о том, как два дня назад штурмовали её летчики. С этим богатырем - подполковником Александром Георгиевичем Наконечниковым - мы познакомились задолго до Берлинской операции, ещё лотом сорок четвертого года, на фронтовом аэродроме, недалеко от маленького белорусского городка Пружаны. Во время войтгы мне не однажды приходилось выполнять в задней кабине ИЛа, отправляющегося на боевое задание, обязанности воздушного стрелка. Я должен был лететь с

очередной шестеркой ИЛов из полка Наконечникова на штурмовку фашистского бронепоезда. Ведущим шестерки был запланирован Герой Советского Союза капитан Волгин, а я включен в боевой расчет в экипаж старшего лейтенанта Балацко. И вдруг минут за тридцать до нашего взлета из разведки возвратилась пара "Ильюшиных". На одном из них в задней кабине висел на привязных ремнях убитый воздушный стрелок. Наконечников сурово посмотрел на меня и сухо сказал:

- Ты вот что, капитан. Ты в строевых списках моего полка пе состоишь. Нечего тебе летать. Видишь, вся кабина в крови. Плохое предзнаменэвалие.

К нашему разговору прислушивались стоявшие рядом летчики. Кивнув на них, я тихо сказал:

- Товарищ подполковник, подумайте, какими глазами будут глядеть на меня летчики вашего полка, еели я откажусь от вылета?! Что они скажут?

Наконечников сердито засопел и смягчился:

- А знаешь, ты, пожалуй, прав. Я бы тоже на твоем месте так поступил. Лети.

Александр Наконечников был человеком сложной и очень интересной судьбы. Еще юношей, в двадцать один год от роду, принимал он участие в боевых действиях республиканцев во время гражданской войны в Испании, летал на самолете СБ бомбить фашистов. А потом - Сталинград, Орловско-Курская битва, Речица, Бобруйск, Минск, Брест, Польша... Мы крепко-накрепко с ним подружились. Александр Георгиевич оказался не только великолепным мастером штурмовых ударов по врагу, человеком большого мужества и летного мастерства, уважаемым всем личным составом полка, а затем и дивизии, но и духовно богатым человеком, тонким ценителем литературы, прекрасным собеседником и отзывчивым другом.

Несколько лет спустя в романе "Летчики", работая пад образом доброго, покладистого, отважного в воздухе капитана Кузьмы Ефимкова, я постарался воплотить в нем многие черты характера, присущие Александру Георгиевичу. Да и только ли? Дружба с ним и с летчиками его дивизии была тем материалом, на основе которого создавались многие главы в книгах "Космонавты живут на Земле", "Жили два друга", "Взлет против ветра".

А недавно законченную повесть о последних месяцах р.ойны я посвятил памяти своего фронтового друга Героя Советского Союза Александра Георгиевича Наконечпикова.

Никогда не забуду, как после капитуляции гитлеровской Германии на запыленном "виллисе" въехали мы и запруженный

ликующими советскими войсками Берлин и остановились у главного входа в рейхстаг. Вокруг высокого широкоплечего подполковника с золотой пятиконечной звездочкой на кителе вдруг образовалась целая толпа. Капитан-артиллерист протянул Наконечникову заппчшую книжку.

- Товарищ подполковник, надоело царапать на этом паскудном доме, указал он рукой на обожженный рейхстаг. - Черкните лучше вы что-нибудь на память. Ведь вы уже отработались. Вам можно и автографы раздавать.

- Да, мы уже отработались, - медленно, кашш-то дрогнувшим голосом ответил Наконечников п, человек далеко не сентиментальный, смахнул неожиданно навернувшуюся слезу.

И я его понял. Очевидно, вспомнил в эту минуту Александр Георгиевич и грязное от зенитных разрывов небо над волжской твердыней - Сталинградом, небо, в котором так нелегко было маневрировать на "Ильюшине", атакуя цель, вспомнил десятки пилотских могил на всем протяжении своего боевого пути от Сталинграда до Берлина, и то, как бросал он комки сухой жесткой земли на крышки гробов, в которых лежали незрячие и обгорелые его боевые товарищи.

Это было тридцать лет назад. Невиданная победа советского воина над мрачными силами фашизма, его освободительный марш по Европе давно ужо стали гордостью истории, и в особенности того поколения советских людей, которое никогда не слышало пальбы зениток и тонкого пронзительного воя авиабомб, не видело, как взрываются мины и снаряды. И всем этим оно обязано ему солдату 1941 - 1945 годов в пропахшей дымом сражений и простреленной шипели. Солдату, в каком бы звании он ни был и какого бы цвета погоны ни носил!

1975